

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 342.32

С.А. Модестов

Академии военных наук, г. Москва

**ГЛУБИННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Ключевые слова: *глубинное государство, теневое правительство, альтернативные центры власти, транснациональные структуры, гражданское общество.*

Рассматривается феномен возникновения теневых властных структур – «глубинного государства». Оно появляется в результате перехвата властных функций частными структурами, обособляющимися фрагментами существующего государства, криминальными или транснациональными структурами. Подчеркивается, что новые независимые государства особенно уязвимы перед напором альтернативных центров власти.

S.A. Modestov

DEEP STATE AS A THREAT TO NATIONAL STATE-HOOD

Key words: *deep state, shadow government, alternative centers of power, transnational structures, civil society.*

The phenomenon of emergence of shadow power structures – "deep state" is considered. It appears as a result of the interception of power functions by private structures, isolated fragments of the existing state, criminal or transnational structures. It is emphasized that the newly independent states are particularly vulnerable to the pressure of alternative centers of power.

Модестов Сергей Александрович, доктор философских наук, доктор политических наук, кандидат военных наук, профессор, вице-президент Академии военных наук, г. Москва. E-mail: samod54@mail.ru.

Modestov Sergey Aleksandrovich - doctor of philosophy, doctor of political sciences, candidate of military sciences, Professor, Vice-President of the Academy of military sciences in Moscow. E-mail: samod54@mail.ru.

В процессе становления национальной государственности властные институты молодых независимых государств подвергаются серьезным испытаниям на прочность. При этом некоторые вызовы и угрозы со стороны альтернативных центров власти были описаны в теории двойного правительства, разработанной еще в XIX-м веке английским политическим философом и экономистом Уолтером Бэджетом (Bagehot, 2001). Изучая эволюцию британской конституции, ученый пришел к выводу, что страна имеет двойное правительство – номинальное, представленное королем и палатой лордов, и фактическое в лице премьер-министра, кабинета министров и палаты общин. Эта «вторая власть» может не обременять себя издержками демократии, получая право на «благородную ложь»

(Noble Lie), которую за две тысячи лет до этого Платон считал спасительной и уберегающей от эксцессов демократии.

Сегодня раздвоение власти на явную, пользующуюся доверием и поддержкой общества, и скрытую, использующую те методы и приемы, которые она считает наиболее эффективными - без оглядки на правовые и морально-этические нормы, стало привычным состоянием для многих государств. Реальная власть в них принадлежит институтам, стоящим на страже национальной безопасности, которые могут позволить себе ВСЁ – военному и внешнеполитическому ведомствам, разведке, другим спецслужбам и правоохранительным органам (Glennon, 2014).

Появился особый термин «глубинное государство» (derin devlet), который пришел в английский язык из турецкого, где он использовался для обозначения параллельного государства, состоявшего из сотрудников спецслужб, армейских и полицейских чинов. «Глубинное государство» представляет собой концентрацию управления в руках неких групп государственных служащих и членов экспертных сообществ, создающих для своего взаимодействия неформальные институты и действующих за кулисами публичной политики.

Формирование подобных структур эксперты считают вполне нормальным процессом, описываемым так называемым законом Паркинсона, который гласит, что в любой большой группе, собранной для обсуждения и осуществления вопросов управления, всегда сформируется малая группа, которая возьмёт на себя все согласования и решения. Перехват управления малой группой есть необходимость, вызванная неповоротливостью больших групп и невозможностью оперативно реагировать на проблемы. Таким образом, «глубинное государство» – это некий стихийно возникающий штаб, работающий параллельно с официально действующими штабами.

«Глубинное государство» – это не просто группы лоббирования, а фактически теневое правительство, подчас более могущественное, чем правительство реальное. Как субъект управления, «глубинное государство» есть конгломерат групп, ориентированный на выполнение главной стратегической цели, которая считается данной элитной группой первоочередной для государства, в котором она действует. Часто «глубинное государство» стремится настолько повлиять на деятельность формальных органов власти, что способно вовсе парализовать их работу.

В лексике американских политиков и журналистов термин «глубинное государство» стал широко использоваться с 2014 года, когда Майк Лофгрэн, бывший сотрудник аппарата республиканской партии в Конгрессе США определил его как «гибридное слияние государственных чиновников и представителей верхнего уровня финансистов и промышленников, которые эффективно управляют США, не спрашивая об этом избирателей, нарушая суть политического процесса».

Американский экономист Даг Кейси (Casey, 2015) пишет: «Глубинное государство - чрезвычайно мощная структура, которая контролирует почти всё вокруг вас. Вы не будете читать о нем в новостях, потому что оно контролирует новости. Политики не будут говорить об этом публично. Глубинное государство контролирует политическую и экономическую сущность США. Оно состоит из верхнего эшелона сотрудников десятка учреждений, таких как ФБР, ЦРУ и АНБ, генералов, адмиралов, конгрессменов. Оно включает в себя глав крупных корпораций, все из них активно участвуют в продажах государству и получают от него... Оно также включает в себя верхушку ФРС и глав всех крупнейших банков, многих завсегдатаев Богемского клуба и Совета по международным отношениям». И это в развитом государстве, гордящемся своими демократическими традициями! Что же говорить о странах, которые только вступили на путь независимого развития?

Но государство может попасть в зависимость от информационно-аналитических служб, владеющих огромными массивами данных и без конспирологических ухищрений

с их стороны. Использование коммерческим сектором информационных технологий создает потенциал децентрализации в управляемых государством социально-экономических системах, особенно с учетом зачастую недостаточного развития инфраструктуры в регионах.

Эта ситуация имеет место во всех государствах, вне зависимости от уровня их развития. Так, о риске эрозии государства под воздействием технологического прогресса заявил совет национальной разведки США в опубликованном в январе 2017 г. докладе «Глобальные тренды: парадокс прогресса» (Global trends. Paradox of Progress).

Внедрение новых информационно-телекоммуникационных технологий расширяет возможности разведсообщества, но имеет и прямо противоположный эффект, ибо те, кто ими располагает (а государство не имеет монополии на их применение, если оно претендует на демократичность и не является авторитарным), получают сопоставимо значимые преимущества контроля в противоположном направлении. И это не возможность публичного мониторинга деятельности органов государственной власти со стороны гражданского общества, а совершенно непрозрачная практика перехвата функций государственного управления:

- а) частными структурами,
- б) обособляющимися и преследующими собственные интересы фрагментами государственных структур, которые все более отдаляются от действительных интересов демократического государства,
- в) структурами транснациональными.

Политических акторов второй группы можно было бы отождествить с акторами первой группы, так как зачастую ими движут такие же корыстные интересы - узкогрупповые, клановые и иные частные. Однако альтернативные властные центры могут формироваться и вокруг лидеров этноконфессиональных группировок пассионарного типа, отнюдь не стремящихся к личному обогащению. Хотя в последующем логика борьбы за власть и ее удержания неизбежно поставит перед ними вопрос материальной выгоды.

Последние структуры являются транснациональными лишь отчасти. В США это, скорее, структуры надгосударственные, представленные прежде всего англосаксонской расой, но еще более – элитой крупного еврейского финансово-промышленного капитала. Именно ей приписывали превосходство над другими народами Сесил Джон Родс, Альфред Милнер, Филипп Керр, Лайонел Кёртис и др.

Монополию англосаксонского глобализма от англо-американского блока оспаривали идеологи глобализма планетарного Роберт Оуэн, Джон Раскин, Сидней Вебба, Герберт Уэллс и идеологи сионистского проекта Ахад-Гаам (Ашер Гинцберг) и хасиды из секты Хабад. «Всё свидетельствует о том, что мы присутствуем при качественно новом состоянии мирового сообщества, при котором его вводят в завершающую стадию реализации стратегии глобального управления посредством создания системы частной власти транснациональных элит», - считает О.Н. Четверикова (2015).

После мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. глобальные элиты реально перешли к завершению замены власти государственной своей собственной, частной властью глобального масштаба. Процесс этот осуществляется двумя путями. С одной стороны, международные организации всё более выявляют свой наднациональный характер и превращаются в наднациональные органы управления, деятельность которых не согласуется с принципами и нормами международного права. С другой стороны, государственные сферы деятельности последовательно переходят в руки частных структур, что осуществляется посредством так называемого аутсорсинга, при котором государственные функции передаются частным фирмам, выступающим в роли подрядчиков, а для решения внутренних задач организации привлекаются внешние по отношению к ней лица. Особый случай институализации транснациональных властных структур

представляет собой так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» - ИГИЛ (организация, запрещенная в Российской Федерации постановлением Верховного суда от 29 декабря 2014 г.). Результатом его деятельности является ликвидация национальной государственности.

Представленный набор альтернативных источников и центров сосредоточения власти – более широкий и полный, чем у автора идеи «двойной государственности» У. Бэджета (Bagehot, 2001) и у его современного последователя М. Дж. Гленнона (Glennon, 2014). Последний дает карт-бланш структурам, несущим ответственность за обеспечение национальной безопасности (как они ее понимают).

Если источником власти демократического государства является народ, то у формирующегося глубинного государства свои источники власти: финансовые (транснациональный финансово-промышленный капитал), идеологические (религиозно-нравственные убеждения о собственной исключительности), организационные (контроль над информационными потоками с помощью СМИ и спецслужб). Возникающие в результате властные структуры не имеют уже ничего общего с национальной государственностью.

К сожалению, для многих независимых государств на пространстве СНГ, активно строящих свою национальную государственность, процесс этот идет по наиболее простому и далеко не самому совершенному пути закрепления моноэтнического доминирования титульной нации во властных структурах. Русский язык не имеет статуса государственного наравне с языком титульной нации. Он в лучшем случае объявляется языком межнационального общения или региональным языком в районах компактного проживания русскоязычного населения.

Представители титульной нации занимают непропорционально большое число государственных и выборных должностей, оттесняя лиц других национальностей от властных полномочий и, прежде всего, от управления собственностью. Распределение должностей зависит зачастую не от деловых качеств, а от родоплеменных связей, сохраняющих серьезное влияние на политический процесс в этих государствах. Ситуацию усугубляет то, что не везде сложились сами титульные нации, и население новых независимых государств разделено по этнорегиональному принципу.

В получивших здесь распространение президентских моделях предпринимаются попытки сочетать многовековые традиции управления с идеями и ценностями западного либерализма. Решения и действия президента определяют направления развития государственности, и любые перспективы демократических преобразований в новых независимых государствах определяются позициями их лидеров. Мнение народа, как правило, формируется под административным давлением сверху, поскольку иных путей осознания и выражения своей идентичности в отсутствие полноценных институтов гражданского общества практически нет.

Как отмечают авторы доклада «От Туркестана к Центральной Азии: Политическое будущее региона» (2016. С.16-17), наделение президента широкими полномочиями отражало исторические традиции стран Средней Азии, где глава государства является для населения лидером нации. Различия между странами затрагивают лишь объем полномочий, оставленных законодательной ветви власти. В Киргизии и Казахстане парламенты формально играют самостоятельную роль, однако в других странах Средней Азии полномочия президента практически ничем не были ограничены. Разделение страны на кланово-земляческие, родовые группы и введение парламентской формы правления стало серьезным испытанием для Киргизской Республики.

Это подтвердили два государственных переворота, которые произошли в стране после обретения независимости. При этом перевороты носили характер борьбы между представителями отдельных регионов Киргизии, боровшихся за политическую, а вместе с ней и экономическую власть. В итоге после очередной смены власти в 2010 году в

Киргизии была сформирована плохо работающая парламентско-президентская форма правления, способствующая дальнейшему регрессу государства.

В докладе констатируется: отсутствие законодательно урегулированных механизмов взаимодействия ветвей власти и преобладание неформальных договоренностей, опирающихся на интересы отдельных кланов, делает политические системы слабыми перед внешними и внутренними вызовами (2016. С.18).

Из-за рубежа охотно поддерживают процесс дальнейшего культурно-политического обособления новых независимых государств, поскольку подчеркнутая, но зачастую декларативная самостоятельность складывающихся в них властных институтов в условиях их незрелости благоприятствует возобладанию над ними куда более изощренных и влиятельных теневых властных структур транснационального, родоплеменного и кланового, а также криминального происхождения. Так, в Киргизии ситуация усугубляется тем фактом, что за годы независимости криминальная среда вышла из неорганизованной фазы и превратилась в группу хорошо организованных преступных синдикатов, контролирующих государственные предприятия, сельское хозяйство, легкую промышленность и транзит наркотиков. По некоторым оценкам, 15–20 % афганских наркотиков проникает на мировой рынок через Киргизию. Естественно, поход криминальных авторитетов в официальную политику был лишь вопросом времени (2016. С. 22).

Есть еще один механизм, способствующий формированию глубинного государства, противостоящего национальной государственности – через вывод капиталов за рубеж. Их владельцы полагают, что обретают таким образом большую свободу. В действительности же они не только подрывают экономические основы своей страны, но и теряют защиту своего государства перед возможным произволом властей принявшей их стороны. И уже ничто не мешает этим властям вдруг поставить вопрос о законности приобретения ввезенных в страну средств, наложить на них арест, а потом и обратить в доход своей казны.

Возможны и иные варианты действия такого механизма, использующего взаимопроникновение акторов всех трех указанных выше групп (а, б и в). Например, через скупку земли и недвижимости иностранными компаниями или конкретными физическими лицами–нерезидентами на территории нового независимого государства. Таким образом, иностранцы, обретая позиции в данном государстве, фактически выводят свои средства из-под национальной юрисдикции собственной страны и оказываются в зоне интересов транснациональных центров политического и экономического влияния. А национальные элиты принявшего их нового независимого государства могут с выгодой для себя вложить вырученные при этом денежные средства в какой-нибудь оффшор, что тоже вряд ли будет способствовать укреплению национальной государственности.

Бывший дипломат Мамбетжунус Абылов высказал обоснованные опасения: *«Сейчас внешний долг Кыргызстана составляет порядка 4,2 млрд долларов, 2,5 из которых приходятся на период президентства Акаева и Бакиева. Остальная сумма кредитов была набрана при Алмазбеке Атамбаеве... При последнем главе государства китайцы дали нам кредит и сами же его освоили. Разве это нормально? Эти деньги нам выдал коммерческий банк, а не международная организация - значит, этот кредит нам никогда не спишут. Боюсь, что Кыргызстану все же придется отдавать земли, саму ТЭЦ или крупные месторождения в счет погашения долгов»* (Темирова, 2018). Кто же вместе с этим «коммерческим банком» станет в итоге конечным бенефициаром при отчуждении ресурсов молодой Киргизской Республики?

Список использованной литературы

От Туркестана к Центральной Азии: Политическое будущее региона. М.: Научный эксперт, 2016. 114 с.

Темирова А. «Кыргызстану придется отдать свои земли Китаю» // VESTI.KG, 28 апреля 2018 г. (<https://vesti.kg/politika/item/51503-kyrgyzstanu-pridetsya-otdat-svoi-zemli-kitayu.html>).

Четверикова О.Н. Теневая история Евросоюза: планы, механизмы, результаты // De Aenigmate / О Тайне. Сборник научных трудов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. С. 358.

Bagehot W. The English Constitution (Oxford World's Classics). Oxford University Press, 2001. 256 p.

Casey D. The Deep State // International Man, Oct. 9, 2015 (<http://www.international-man.com/articles/the-deep-state/>)

Glennon M.J. National Security and Double Government // Harvard National Security Journal. 2014. Vol. 5. P. 12.

Global trends. Paradox of Progress. A Publication of a National Intelligence Council (<https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Main-Report.pdf>).

Рецензент статьи: доктор политических наук, профессор В.И. Шерпаев.